

DOI 10.22455/2541-8297-2018-10-173-183  
УДК 812.161.1

## Неизвестное письмо Леонида Андреева к Максиму Горькому

© 2018, Р.Д. Дэвис, М.В. Козьменко

**Аннотация:** Публикация вводит в научный оборот ранее неизвестное письмо начинающего литератора к уже прославленному писателю. Его можно датировать первой или самым началом второй декады декабря 1899 г. Ранее считалось, что переписка между двумя крупнейшими фигурами в русской литературе начала XX в. в полной мере воспроизведена в 72-м томе известной серии «Литературное наследство» (1965). Именно на этом внушительном эпистолярном фундаменте (181 письмо за 1899–1916 гг.) зиждились наиболее интересные и глубокие анализы непростых взаимоотношений двух писателей. Относительно самого раннего этапа этой дружбы-вражды разногласий между исследователями было меньше всего: почти все сходились на том, что Горький смог разглядеть талант начинающего литератора уже на страницах его первого беллетристического выступления — пасхального рассказа «Баргамот и Гараська», опубликованного 5 апреля 1898 г., и сразу же стал поддерживать Андреева: советами более опытного писателя, ходатайствами о публикации его новых опусов в журналах, вовлечением в московскую литературную среду (буквально: в кружок «Среда»), наконец — организацией издания первого сборника рассказов в 1901 г. Настоящее, впервые публикуемое письмо заставляет по-новому взглянуть на самый ранний период поисков Андреевым своего места в литературе. Наиболее поразительным в нем является признание себя неким литературным двойником Горького — при минимальном наличии прямых стилистических и мировоззренческих переключек со старшим товарищем по литературе. Из упомянутых в письме якобы многочисленных опытов à la Горький в рукописях почти ничего не осталось: видимо, избавление от «горьковского» искусства действительно было радикальным, и Андрееву оно удалось. Не менее важно, что перед нами — новый, но один из типичных, экзистенциально-откровенных, «распахнутых» леонидандреевских эго-документов, в котором содержится ряд интересных нюансов к уже известным фактам и сюжетам его бытия, реально-биографического и ментального.

**Ключевые слова:** Максим Горький, Леонид Андреев, русская литература начала XX в., эпистолярный.

**Информация об авторах:** Ричард Дональд Дэвис, магистр филологии, ведущий Русский архивом в Лидсе. Брозертонская библиотека, Лидский университет, Лидс, Великобритания. E-mail: r.d.davies@leeds.ac.uk

Михаил Васильевич Козьменко, к.ф.н, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН, Москва, Россия. E-mail: uzium@mail.ru

**Цитирование:** Дэвис Р.Д., Козьменко М.В. Неизвестное письмо Леонида Андреева к Максиму Горькому // Литературный факт. 2018. № 10. С. 173–183.

О взаимоотношениях Леонида Андреева и Максима Горького написано уже достаточно много, хотя оценки тех или иных эпизодов (особенно в эпоху начавшихся расхождений — приблизительно с 1907 г.) существенно разнятся<sup>1</sup>. Однако относительно самого раннего этапа их отношений разногласий меньше всего. Почти все сходятся в том, что Горький смог разглядеть талант начинающего литератора уже на страницах его первого беллетристического выступления в газете «Курьер» — пасхального рассказа «Баргамот и Гараська», опубликованного 5 апреля 1898 г., и сразу же стал поддерживать Андреева: советами более опытного писателя, ходатайствами о публикации его новых опусов в журналах, вовлечением в московскую литературную среду (буквально: в кружок «Среда»), наконец — организацией издания первого сборника рассказов в 1901 г.

Предлагаемое читателю неопубликованное письмо Андреева к Горькому кое-что добавляет к картине первых месяцев их знакомства (пока еще заочного).

Время написания письма определяется достаточно однозначно — первая или самое начало второй декады декабря 1899 г. На это (помимо других мелких хронологических помет) указывает фраза, относящаяся к самому последнему этапу жизни адресанта: «<...> я написал маленький рассказ (выйдет в К<урьер> числа 14–20) и рождественский». Речь идет о рассказах «Большой шлем» и «Ангелочек», появившихся в «Курьере» соответственно 14 и 25 декабря 1899 г., а указанные в первом случае даты — «числа 14–20» — без уточнения месяца свидетельствуют, что сообщение это относится именно к декабрю: «Большой шлем» написан 19 ноября и уже готовится к публикации в редакции.

Письмо обнаружено в рабочей тетради писателя. Это, скорее всего, черновик, который был необходим для подробного, очень важного и серьезного письма к уже знаменитому писателю. В архиве Горького такое письмо отсутствует, однако это не означает, что оно не было ему отослано. В конце 1913 г. Горький писал А.В. Амфитеатрову: «<...> Андреев — человек прежде всего чрезвычайно талантливый и потому очень легко может написать “искреннее” и “экспансивное” письмо. Таковых и я имел немало, но счел за благо предать их огню, жалеючи будущего биографа Леонида — да не запутается в противоречиях непримиримых оный

<sup>1</sup> Ср., например: *Муратова К.Д.* Максим Горький и Леонид Андреев // Лит. наследство. Т. 72. М., 1965. С. 9–56 (далее — ЛН72); *Басинский П.В.* Горький. М., 2005. С. 252–307. (Жизнь замечат. людей); *Быков Д.Л.* Был ли Горький? М., 2008. С. 154–157; *Кен Л.Н., Рогов Л.Э.* Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб., 2010. С. 81–82, 95–97, 115–119, 123–125, 139–140, 179–189, 196–199, 218, 287–290; *Боева Г.Н.* Творчество Леонида Андреева и эпоха модерна. СПб., 2016. С. 356–393.

биограф»<sup>2</sup>. Возможно, что в число преданных огню попало и настоящее письмо. Безусловно, Горького должна была покоробить избыточная исповедальность послания от знакомого лишь по нескольким сочинениям адресанта, особенно фрагмент, в котором Андреев признается, что в какой-то момент почувствовал себя фактически двойником Горького-писателя: «<...> всё, что я мог бы и главное хотел бы когда-нибудь сказать, Горький уже сказал, и сказал так, как я никогда не в состоянии был бы сделать. Одним словом, я обвинил вас в похищении моего платья и с горем увидел, что на воре оно сидит как вылитое <так!>».

Еще одно косвенное подтверждение тому, что письмо было отправлено адресату, содержится в другом андреевском письме Горькому, написанному через год, 18 декабря 1900 г. (это первое сохранившееся послание Андреева в их взаимной переписке). Говоря о своей жажде разговора с Горьким, он восклицает: «И накопело и наболело. Всё те же вопросы, которые вы затронули в “Читателе”»<sup>3</sup>. В публикуемом письме также констатируется: «Встал тут передо мною во всей своей силе вопрос, поставленный вами в “Читателе” <...>» — и вполне правдоподобно, что оборот «*всё те же* вопросы» из письма 1900 г. отсылает именно к этому, знакомому получателю (и одному из самых важных) фрагменту.

Для понимания роли письма напомним контекст, в который оно вписывается, т.е. существеннейшие моменты начала знакомства двух писателей. В очерке об Андрееве Горький отмечает, что весной 1898 г., будучи под впечатлением от «Баргамота и Гараськи», «<...> написал автору письмо по поводу рассказа и получил от Л. Андреева забавный ответ; оригинальным почерком, полупечатными буквами он писал веселые, смешные слова, и среди них особенно подчеркнуто выделился незатейливый, но скептический афоризм:

“Сытому быть великодушным столь же приятно, как пить кофе после обеда”.

С этого началось мое заочное знакомство с Леонидом Николаевичем Андреевым. Летом я прочитал еще несколько маленьких рассказов его и фельетонов Джемса Линча, наблюдая, как быстро и смело развивается своеобразный талант нового писателя»<sup>4</sup>.

У Андреева несколько иная версия, в дневнике он пишет: «В начале апреля передано приглашение от “Горького” участвовать в “Нижегородском листке”. На Страстной неделе <начало апреля. —Р.Д., М.К.> переда-

<sup>2</sup> Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 11. М., 2004. С. 65.

<sup>3</sup> ЛН72. С. 78.

<sup>4</sup> Горький М. Полн. собр. соч. Худож. произведения: В 25 т. М., 1973. Т. 16. С. 313–314.

но мне письмо, адресованное к Ашешову, сотруднику “Курьера”, такого содержания:

“Николай Петрович! Во-первых — здравствуйте — а во-вторых — будьте столь великодушны, сообщите мне адрес Леонида Андреева (так я подписываюсь), печатающего у вас такие славные рассказы. Пожалуйста! Ему, Андрееву, это, наверное, будет очень полезно. Свидетельствую почтение.

А. Пешков. (М. Горький)”

Я ответил Горькому сам. В среду на Страстной *телеграмма*:

“Немедленно пришлите хороший рассказ Миролубову, Ялта. Буду Москве субботу — М. Горький”. Но Горького я не видал — он был от поезда до поезда<sup>5</sup>.

Это первое письмо Андреева, написанное сразу же после получения письма Ашешову, не сохранилось. Возможно, именно его по памяти цитирует в мемуарном очерке Горький. Сохранилось очень деловое, «учительское» письмо Горького от 20–25 апреля, в котором повторяется приглашение высылать ему готовые произведения для устройства в разные журналы<sup>6</sup>. Судя по первой строке публикуемого письма, в которой Андреев оправдывается в долгом молчании из-за отсутствия готовых рассказов для «Жизни» и других журналов, оно является ответом на это горьковское послание. Следующее письмо от Горького датировано 2–4 апреля 1900 г. и не содержит никаких следов реакции на страстное письмо-исповедь начинающего литератора: если Горький и получил его, то сделал вид, что не заметил крайностей и резкостей послания.

Автограф письма хранится в Русском архиве в Лидсе (MS 606/A.4. Л. 6об.–10об. 5 л.). Зачеркнутые автором фрагменты даются в квадратных скобках, конъектуры публикаторов — в угловых.

---

<sup>5</sup> Андреев Л.Н. Дневник. 1897–1901 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 191–192; ср.: ЛН72. С. 63–64.

<sup>6</sup> В письме к Андрееву, датированном 20–25 апреля 1899 г., Горький пишет: «Если у вас, Леонид Николаевич, есть что-либо готовое, то, пожалуйста, присылайте ко мне, — я постараюсь, буде окажется возможным, пристроить ваши вещи в “Журнал для всех” и в “Жизнь”. Могу также в “Мир Божий”» (*Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 1. М., 1997. С. 327).

## Пешкову (Горькому)

М<ногоуважаемый> А<лексей> М<аксимович!>

До сих пор я не имел достаточных оснований к тому, чтобы воспользоваться вашей любезностью и дать что-нибудь для «Жизни» или для другого толстого журнала, попасть в который составляет ближайшую цель моих литер<атурных> вождений. По этой же причине я не хотел писать к Вам, желая, чтобы не одно голое письмо, но и литерат<урный> труд представительствовал за меня. Но теперь я вижу, что мне таким образом придется долго еще молчать, а желание хоть немного поговорить с Вами так сильно во мне, что побеждает наконец известную совесть, какую испытываешь, отрывая занятого человека от его хорошего дела и занимая его собою.

Должен сказать, что никого и ничего я так не любил, как литературу. Возможно, что в этом отношении я дохожу до крайности: я с искренним недоумением смотрю на людей, которые не пишут и живут, стараюсь представить себе, что же они в таком случае делают, и никак не могу. Спят, едят, танцуют, влюбляются... Но ведь всё это только условие и материал для писанья, а если они не пишут, зачем петь, спать и влюбляться? И я искренне жалею их и не могу поверить, чтобы и я когда-нибудь был таким. Но к сожалению, я им был; налицо слишком много данных, вынесенных мною из того временного, но ужасного состояния. Одной из этих данных является водка; другую — болезнь сердца и третьей — рой дьявольски черных сомнений в себе, в своей силе, в своем праве писать, т.е. учить. С 16 лет (сейчас мне 28) я искал — что, определить трудно. Начал я с вопроса о цели существования и, конечно, пошел самым кривым путем. Люди и книги не помогали мне, я призвал на помощь судьбу: однажды я лег под поезд вдоль рельс, полагая, что если цели в жизни нет, то поддувало будет низкое, и я умру<sup>7</sup>; если оно окажется высоким — я должен, значит, для «чего-то» жить. Оно оказалось высоким; жизнь сохранилась, но «чего-то» так и не явилось. Тогда я решил, что нужно искать женщину, а она уже и укажет мне цель. Искал

<sup>7</sup> Судя по всему, об этом эпизоде Андреев приблизительно теми же словами поведал Горькому позже. В его мемуарном очерке о писателе читаем: «Он <...> рассказал о том, как, однажды, будучи подростком, бросился под товарный поезд, но, к счастью, угодил вдоль рельс <...>» (*Горький М.* Полн. собр. соч. Худож. произведения: В 25 т. Т. 16. М., 1973. С. 315). Горький, для которого в детстве «лежание» между рельсов под проходящим поездом, скорее всего, было просто одним из рискованных развлечений, отнесен к романтическому пафосу Андреева со скепсисом, отметив: «Забава эта почти безопасна, если топка локомотива достаточно высоко поднята и если поезд идет на подъем, а не под уклон <...>» (Там же).

я долго и тщательно; но сколько ни находил я женщин, ни одна из них, оказалось, и не думала о том, зачем она живет, и единственной задачей, которую они рекомендовали, было — бросить пить водку, так как пил я ее очень много, напившись, скандалил, дрался с городскими и своими друзьями и каждый раз ночевал в участке. Жизнь без смысла становилась невозможной, и в 1894 г. я стрелялся<sup>8</sup>, но в высшей степени неудачно: жизнь осталась, и была всё та же, но к ней еще присоединилась скверная и мучительная болезнь сердца. Вот уже пять лет, благодаря ей, я чувствую себя как под дулом пистолета и жмурюсь от страха, хотя пистолет может быть и не заряжен [вовсе]. Вечное и художественное созерцание смерти сделало меня трусом — и я уже не рискнусь окончательно разделаться с постылой жизнью (раз, впрочем, пьяный, резался<sup>9</sup>, но очень глупо, хотя и приобрел катар желудка). В это время вопрос о цели существования был мною потерян, но на смену ему явился другой, более жизненный, но так же трудно разрешимый благодаря массе всосанной отовсюду лжи. Это был вопрос о [нравственности] том, что хорошо и что дурно. Каждый день я решал его по-новому, [но] и делал попытки поступать так, как я [хочу] нахожу нравственным, но они не удавались. Напр<имер>, я не мог красть, и это очень огорчало меня. Дольше всего я пребывал в состоянии нищезависимости<sup>10</sup>. Под конец во мне поселилось несколько господ с диаметрально противоположными нравственными и социальными взглядами<sup>11</sup>, и уживались довольно мирно, так как поступать я продолжал не по разуму, а по привычке. Но бывали случаи, когда язычник вступал в потасовку с христианином, а анархист тузил социал-демократа. [Но] Каковы бы, однако, они ни были, эти беспо-

<sup>8</sup> В автобиографической заметке писатель сообщил: «В 1894 г. в январе я неудачно стрелялся; последствием неудачного выстрела было церковное покаяние, наложенное на меня начальством, и болезнь сердца не опасная, но упрямая и надоедливая» (Леонид Андреев (Автобиографические материалы) // Русская литература XX века (1890–1910) / Под ред. проф. С.А. Венгерова. М., 1915. Ч. 2. С. 242).

<sup>9</sup> Эта попытка самоубийства, совершенная Андреевым весной 1892 г., была следствием усугубившегося кризиса в отношениях с возлюбленной, Зинаидой Николаевной Сибилевой: «Здесь в Петербурге начались неприятности с Зинаидой» — и я в конце концов в субботу на масляной совершил попытку на самоубийство. В оправдание неудачи приведу то, что совершил я ее пьяный до бессознательности, затем — очень неудобным оружием, ножом, и наконец — меня удержали от второй попытки ударить себя. Потом был несколько дней в больнице <...>» («Дневник» Леонида Андреева / Публ. Н.П. Генераловой // Литературный архив: Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб., 1994. С. 257).

<sup>10</sup> Вероятнее всего, речь идет об увлечении Андреева и его университетских друзей философией Фридриха Ницше в период около 1895–1896 гг., что позже будет частично отражено в «Рассказе о Сергее Петровиче» (1900).

<sup>11</sup> Важная для Андреева тема двойничества, «множественности “я”» наиболее ярко выразилась в рассказе «Нас двое» (Андреев Л.Н. Полн. собр. соч.: В 23 т. Т. 1. М., 2007. С. 261–272; далее при ссылке на это изд. — ПСС23), близком по времени к данному письму (датирован 28 января 1899 г.).

койные господа, они сходились в одном: в ненависти к тому, что есть. Если я до сих пор не научился еще любить, то ненавидеть приходилось. Но жалкое, мертворожденное то было чувство! Не как враг ненавидел я действительность, а как раб ее, исподтишка, с оглядкой и страхом. И сколько тут пришлось лгать — даже во сне бывало лжешь, так как видишь людей, не какими их знаешь, а какими пожелаешь. И это было, кажется, самое ужасное, что мне пришлось испытать. Отчаяннейшее презрение к себе, ненависть к миру, сознание одиночества и жажда и страх смерти — вот тот дьявольский концерт, от которого я находил спасение в одной водке. Напившись, я или лгал, но не чувствуя и не сознавая лжи, или говорил правду и делал правду — и тогда люди меня, как бешеного, отвозили всё в тот же участок. Крепкая сеть условной лжи, которая опутывает всех, а особенно тех, кто называется порядочными людьми, связывала и меня — я давал уроки, делал визиты, учился, наконец, кончив учиться, [приобретал] ловил клиентов, и писал, но только для <себя>. Писал я тогда вещи поистине страховидные. Один из моих героев в своем отрицании сущего дошел до того, что не признавал самих физиологических процессов, находя ложь и в них<sup>12</sup>. Любимейшею моею мечтою того недавнего времени — вас и ваших героев я тогда не знал еще совсем — было обратиться в «хитровца»<sup>13</sup>. Но не хватало характера, а главное — желудок и сердце не выносили водки. Напешься — а потом два дня издыхаешь под ледяными компрессами. А без водки такой разрыв с действительным труден. Посудите же теперь, с какою любовью встретил я Вашего Челкаша и компанию, всех этих «бывших» людей, принадлежать к которым я почел бы и почитаю сейчас за честь для себя, раз для «настоящих» ничего, кроме вечной и трусливой лжи, не остается. Давно еще помнится, когда я писал еще дневник, я изображал в нем наслаждение человека, выведенного на торговую казнь, с которого снято всё: одежда, стыд и ложь — и который под плетью чувствует себя свободным, как царь. Кажется, и на мою долю выпала нелегкая задача быть не ходовым «пятакком», а семишником<sup>14</sup>.

При этих условиях я вступил в литературу, т.е. напечатал первый рассказ «Бар<гамот> и Г<араська>». Вышло всё это совершенно случайно, по заказу<sup>15</sup>. Заказное в рассказе было у меня и умиление — это

<sup>12</sup> Рассказ с подобным сюжетом неизвестен.

<sup>13</sup> Хитровец — босьяк, житель Хитровки, знаменитого в Москве района скопления ночлежных домов, который располагался вблизи улицы Солянка.

<sup>14</sup> Монета в две копейки (*разг.*).

<sup>15</sup> Рассказ «Баргамот и Гараська», от даты публикации которого писатель вел отчет своего литературного пути, был заказан редактором «Курьера» для пасхального номера, который вышел 5 апреля 1898 г. (см.: ПСС23. Т. 1. С. 717). Ранее Андреев печатал в «Курьере» только судебные отчеты.

трогательно-лживое пробуждение чего-то человеческого в сонной душе Баргамота и обращение милейшего Гараськи на путь добродетели и трезвости. Этому событию уже минуло полтора года. Я продолжал писать, но бессознательно. Бессознательно я приноровлялся к готовым формам рассказов, бессознательно [приноровлял] подгонял содержание к спросу и все больше старался пройти по части умиления. Свое, т.е. ненависть к сложившимся формам жизни, — продолжало копошиться во мне, но по странному случаю, продолжало находить выражение в пьянстве, а в мои писанья едва проскользало. Связи не было между тем, что пишу и что думаю. Тут, нынешнею весною, Ваше хорошее письмо<sup>16</sup>, как раз предостерегающее от лжи, и предложение послать что-нибудь в «Ж<урнал> для всех». Застало оно меня совсем спившимся[, и уже]. Месяца три я не брался за перо, и совсем уже было окочурился, когда бросил пить. (Не пьян я и теперь, да и потребности нет.)

В начале лета я ожил и стал работать. К этому времени относятся два рассказа «У окна» (в Курьере)<sup>17</sup> и «Петька на даче» (в «Ж<урнале> для всех»)<sup>18</sup>. Но тут на дороге стали мне — Вы. Я вздумал сразу прочесть всё Вами написанное — и когда прочел, то [поду<мал>] решил: всё, что я [мог бы и] главное хотел бы когда-нибудь сказать, Горький уже сказал, и сказал так, как я никогда не в состоянии был бы сделать. Одним словом, я обвинил Вас в похищении моего платья и с горем увидел, что на воре оно сидит как вылитое <так!>. Можно, я думаю, признаться, что я почувствовал к Вам и зависть и даже, пожалуй, злобу, выражаемую словами: не будь его, глядишь бы, я всё это написал. (В то же время, конечно, и приятно было, что вот я и Горький и т.д.) Помимо комичного, в изобилии находящегося в этом неожиданном открытии, было и действительно горькое. Понял я, что говорить хотелось мне то же, что и Вам, а мне и средств нету. Писать же по-другому и говорить другое я почувствовал себя в полной невозможности. Одним словом, я потерял себя. И вот с июля месяца я проделывал такие вещи: описывал бывших людей, [об<орванцев>] босяков — и так как видел я их в действительности только мельком, то выходила у меня чепуха, которую я рвал; начинал я писать свое — и тоже рвал, так как не было оборванцев. За эти два-три месяца я начал около 15 вещей, и все они были то издалека похожи на Горького (о том, каково могло быть сходство, судите сами), то опять на вечно умиляющегося Андреева, опротивевшего мне до чертиков. Встал тут передо мною во всей своей силе вопрос, поставленный

<sup>16</sup> См. примеч. 6.

<sup>17</sup> Рассказ «У окна» был опубликован в «Курьере» 3 августа 1899 г. (№ 212).

<sup>18</sup> Рассказ «Петька на даче», написанный в июле 1899 г. (см.: ПСС23. Т. 1. С. 740), появился в девятом номере «Журнала для всех».



Вами в «Читателе»<sup>19</sup> — и ответ на него был отрицательный. «Как вы все мелки, как жалки, как вас много!» — вот страшные поистине слова. И были, признаться, минуты, когда [у меня] я начал подумывать о смерти, так как жить без цели, как прежде, я уже не в силах, а литература, единственная цель и смысл моей жизни, отпадала. Не стану в подробностях передавать Вам этого довольно мучительного процесса, хорошо Вам знакомого, если не по себе, то по другим. Кончилось тем, что я как будто нашел себя. Явилась мысль очень простая, но очень [утешительная] радостная: ведь есть же у меня люди, порядки и вещи, которые я ненавижу? Есть же и люди и вещи, которые я люблю? Кто же мешает мне, раз у меня есть хоть крохотная способность владеть словом, сделать то, без чего я чувствовал [я] себя несчастным: т.е. говорить *мою* правду? Мою — какова бы она ни была?

И не знаю — но мне кажется, что только с этого момента я почувствовал в себе писателя. Это, конечно, не значит, что как и сел я с этим новым решением, так и написал хорошую вещь — ведь правду говорить очень трудно. И даже так вышло, что первая написанная мною после этого вещь (оконченная) была отчаянно фальшива<sup>20</sup>. И вторая вещь, стоившая мне отчаянного труда — роман в 6–7000 строк — вышла совершенно неудачною<sup>21</sup>. Готовил я его для Вас, но, как видите, вотще. Кончилось дело тем, что я написал маленький рассказ (выйдет в *Курьере* числа 14–20)<sup>22</sup> и рождественский<sup>23</sup>. И вот и всё, что я сделал за это время, вонне. Внутри, я думаю, я сделал больше. Я нашел себя. Это не помешает тому, чтобы я еще долго лгал, — но зато я знаю теперь, чего я хочу.

Изложил всё это я потому, что мне не хотелось, чтобы Вы думали обо мне как о рабе ленивом и лукавом. Еще более, чем прежде, хочется мне попасть в большую литературу, и тем дороже Ваше в этом отношении содействие. Но — буду откровенен вполне — я очень боюсь выступить с плохой (в художественном отношении) вещью. Не потому, чтобы

---

<sup>19</sup> Вероятно, имеется в виду вопрос, который в рассказе Горького «Читатель» (1898) задает повествователю (по профессии литератору) его странный, inferнальный собеседник: «А ты умеешь любить людей?» (*Горький М.* Полн. собр. соч. Худож. произведения: В 25 т. Т. 4. М., 1969. С. 127).

<sup>20</sup> Предположительно речь может идти о рассказе «Дело прошлое», написанном в сентябре 1899 г. и не публиковавшемся при жизни автора (см.: *ИСС23*. Т. 1. С. 289–301).

<sup>21</sup> Имеется в виду «рассказ» (на самом деле — по объему и структуре — повесть) «Держите вора!», над которым Андреев работал с декабря 1898 по конец октября 1899 г. При жизни автора не публиковался (см.: *ИСС23*. Т. 1. С. 302–367).

<sup>22</sup> Речь идет о рассказе «Большой шлем», опубликованном в «Курьере» 14 декабря 1899 г. (№ 345).

<sup>23</sup> Имеется в виду рассказ «Ангелочек», законченный в ноябре 1899 г. и опубликованный в рождественском номере «Курьера» (25 декабря 1899 г.).

я искал славы и удовлетворения своему самолюбию, — хотя и это соображение имеет место — но просто из желания занять более или менее прочную позицию, дающую возможность говорить свое.

## Литература

*Басинский П.В.* Горький. М.: Молодая гвардия, 2005. 464 с.

*Боева Г.Н.* Творчество Леонида Андреева и эпоха модерна. СПб.: Петрополис, 2016. 520 с.

*Быков Д.Л.* Был ли Горький? М.: Астрель; АСТ, 2008. 348 с.

«Дневник» Леонида Андреева / Публ. Н.П. Генераловой // Литературный архив: Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб.: Наука, 1994. С. 247–294.

*Кен Л.Н., Рогов Л.Э.* Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб.: ИПК Коста, 2010. 450 с.

*Муратова К.Д.* Максим Горький и Леонид Андреев // Литературное наследство. Т. 72: Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. М.: Наука, 1965. С. 9–60.

## References

Basinskii P.V. *Gor'kii* [Gorky]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2005. 464 p. (In Russ.)

Boeva G.N. *Tvorchestvo Leonida Andreeva i epokha moderna* [Leonid Andreev's works and the era of Modernism]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2016. 520 p. (In Russ.)

Bykov D.L. *Byl li Gor'kii?* [Was there Gorky?] Moscow, Astrel' Publ., AST Publ., 2008. 348 p. (In Russ.)

“Dnevnik” Leonida Andreeva [Leonid Andreev's “diary”], publ. by N.P. Generalova. *Literaturnyi arkhiv: Materialy po istorii russkoi literatury i obshchestvennoi mysli* [Literary archives: Materials on the history of Russian literature and social thought]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994, pp. 247–294. (In Russ.)

Ken L.N., Rogov L.E. *Zhizn' Leonida Andreeva, rasskazannaia im samim i ego sovremennikami* [The life of Leonid Andreev told by himself and his contemporaries]. St. Petersburg, IPK Kosta Publ., 2010. 450 p. (In Russ.)

Muratova K.D. *Maksim Gor'kii i Leonid Andreev* [Maxim Gorky and Leonid Andreev]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 72: Gor'kii i Leonid Andreev: Neizdannaiia perepiska* [Literary heritage. Vol. 72: Gorky and Leonid Andreev: Unpublished correspondence]. Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 9–60. (In Russ.)

## An unknown letter from Leonid Andreev to Maxim Gorky

© 2018, Richard Davies, Mikhail Kozmenko

**Abstract:** This publication makes available for the first time a previously unknown letter by a novice writer to one who was already famous. It can be dated to early or mid-December 1899. It had previously been thought that the correspondence between two central figures in early-20th-century Russian literature had been comprehensively published in volume 72 of the well-known series “Literary Heritage” (1965). This imposing corpus of 181 letters written between 1899 and 1916 formed the basis for perceptive and penetrating analyses of the two writers' complex relationship. The earliest stage of the writers' love-hate relationship had given rise to the fewest disagreements among researchers: they nearly all agreed that Gorky had immediately spotted the novice writer's talent on reading “Bargamot and Garas'ka”, the first story Andreev published in the newspaper “Kur'er”, at Easter 1898, and that this had prompted him to offer Andreev his advice, as the more experienced writer, and to help him publish his new works in magazines, to introduce him to Moscow literary circles (the “Wednesday” group), and ultimately to organise the publication of his first collection of stories in 1901. The letter being published here for the first time forces us to re-examine the very earliest period of Andreev's search for a place in literature. The most striking part of the letter is his self-definition as Gorky's literary double, despite an almost complete absence in his works of any direct stylistic, let alone philosophical, echoes of his elder literary comrade. Hardly anything has survived among Andreev's papers of the numerous experiments à la Gorky he mentions in his letter: he evidently took radical steps to put the temptation of Gorky behind him, and he succeeded in doing so. No less significant is that we have here a new, if typical, existentially frank, “wide-open” Andreevan ego-document, which contains several interesting nuances to add to the known facts and concerns of both his outer biography and his inner life.

**Keywords:** Maxim Gorky, Leonid Andreev, Early-20th-century Russian literature, correspondence.

**Information about the authors:** Richard Donald Davies, MA (Cantab), archivist of the Leeds Russian Archive, Brotherton Library, University of Leeds, Leeds, Great Britain. E-mail: r.d.davies@leeds.ac.uk

Mikhail Kozmenko, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Russian Academy of Sciences A. M. Gorky Institute of World Literature, Moscow, Russia. E-mail: uzium@mail.ru

**Citation:** Davies Richard, Kozmenko Mikhail. An unknown letter from Leonid Andreev to Maxim Gorky. *Literary fact*, 2018, no. 10, pp. 173–183.